

ника 1550 г. восстанавливал пропущенные в других списках места или же давал более верные чтения»²⁹ С тем, что в архетипе протографа С и Б не было дефектных чтений, можно согласиться. Но предположение о том, что «правильные чтения» получились в результате сверки с Судебником 1550 г., абсолютно никак не доказано. Двойственное происхождение «верных» чтений (архетипное и сверочное) Назаров не обосновывает. Нет никаких данных для утверждения о том, что архетип Сводного судебногоника имел все те пропуски и дефекты, которые в нем хочет усмотреть Назаров, исходя из списка Р. Но этого мало, отметив наличие в списке Л чтений, не содержавших описок и пропусков Рогожского текста, Назаров строит подобную же гипотезу. По его мнению, «первоначальным (или весьма близким к первоначальному) был протограф Рогожского списка, который затем подвергся достаточно тщательной сверке с текстом Судебника 1550 г. и дополнительных статей, в результате чего и возник протограф Лихачевского списка»³⁰. Но почему же? Зачем усложнять (бездоказательно) всю процедуру? Просто в протографе списка Р были отдельные пропуски и дефектные чтения, которых не было в протографе списка Л. Иначе говоря, оба протографа восходят к одному тексту, непосредственно скопированному с архетипа Сводного судебногоника.

Говоря о списке Т, В. Д. Назаров возводит его к «протографу списка XVIII в.»³¹, что верно в той мере, в какой можно считать этот протограф просто протографом Сводного судебногоника. В списке Т есть только индивидуальные ошибки (если не говорить о нескольких дефектах, характерных для деятельности переписчиков вообще). Все же остальное вполне укладывается в текст архетипа судебногоника. Что же можно сказать о текстологической судьбе списков судебногоника? Назаров отказывается от мысли о том, что Сводный судебник мог возникнуть при Василии Шуйском, по двум причинам: незавершенность памятника, несмотря на его двукратную переработку, хотя царь Василий правил целых четыре года; отсутствие в памятнике законодательства Шуйского³². Но, как мы показали, никакой переработки текста не было вообще. Был только проект, позднее переписывавшийся с дефектами (пропусками и т. п.)³³. Отсутствие же законов Василия Шуйского может быть объяснено тем, что проект составлялся в начале его правления и не был завершен. Считать, что Сводный судебник

²⁹ Там же, с. 68.

³⁰ Там же, с. 71.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 74.

³³ Назаров считает невозможным предполагать, чтобы писцы протографов двух сборников «с какими-то целями сокращали текст статей Судебника 1550 г. и дополнительных указов», тем более что нет аналогичных случаев из истории списков Судебника 1550 г. (там же, с. 71). Ни о каком «целевом» сокращении не может быть и речи. Все дело в механических пропусках, и только. А подобного характера дефекты в списках Судебника 1550 г. обычны.